УДК 94(470.24-25):351.853.1

Т. В. Ильина

Сохранение культурной памяти в пространстве Великого Новгорода

Работа посвящена феномену культурной памяти, а также способам ее трансляции и сохранения на примере территории современного Великого Новгорода. Излагаются существующие концепции культурной памяти в гуманитарных науках, анализируются современные способы ее передачи и сохранения на примере Великого Новгорода. Основой исследования является теория культурной памяти, изложенная немецким египтологом Я. Ассманом. В работе используются концепции и термины, выработанные П. Нора, Ф. Р. Анкерсмит, В. Канстайнер, Дж. Олик и др. Автор обращает внимание на то, что образы культурной памяти способствуют сохранению и укреплению территориальной идентичности, в том числе городской. Исследование имеет обширные перспективы в области изучения степени влияния средств трансляции и сохранения культурной памяти в городском пространстве на примере Великого Новгорода.

Ключевые слова: культурная память, город, средства сохранения памяти, территориальная идентичность, городская идентичность

Tatiana V. Il'ina

Preservation of cultural memory in the space of Veliky Novgorod

This research paper is devoted to the phenomenon of cultural memory, as well as the ways of its transmission and preservation on the example of the territory of modern Veliky Novgorod. The author describes the existing concepts of cultural memory in the humanities, as well as analyzes modern ways of its transmission and pre

servation on the example of Veliky Novgorod. The basis of the study is the theory of cultural memory, set out by the German Egyptologist J. Assmann. The work also uses concepts and terms developed by such scholars as P. Nora, F. R. Ankersmith, W. Kansteiner, J. Olick and others. Among other things, the author draws attention to the fact that the images of cultural memory contribute to the preservation and strengthening of territorial identity, including urban identity. Thus, the study has extensive prospects in the field of studying the degree of influence of the means of translation and preservation of cultural memory in the urban space on the example of Veliky Novgorod.

Keywords: cultural memory, city, means of preserving memory, territorial identity, urban identity
DOI 0.30725/2619-0303-2022-3-52-57

Написано немало работ, посвященных культурной памяти. Данная статья ставит задачу изучение роли феномена культурной памяти в пространстве Великого Новгорода и его связи с развитием идентичности жителей города. В современном мире средства и способы трансляции и сохранения культурной памяти меняются с невообразимой скоростью.

Еще недавно авторы книг о культурной памяти писали о том, что культурная память может сохраняться только «профессионалами», государством и т. д. Сегодня благодаря новым технологиям эта грань размывается – сегодня каждый человек может приобщиться к процессу сохранения памяти, например, создав виртуальный музей, ведь для этого не нужны большие финансовые средства, которые могли себе позволить редкие меценаты или государство. При этом политическая ситуация также оказывает большое влияние на способы передачи и сохранения памяти. Еще недавно бóльшая часть молодежи создавала контент и следила за авторами в одних социальных сетях, сегодня же ситуация изменилась коренным образом. В связи с этим встает вопрос качества существующих способов трансляции и сохранения памяти, проблема их «долговечности».

Предметом данной статьи выступают различные формы трансляции и сохранения культурной памяти в городском пространстве на примере Великого Новгорода. Цель, которую автор ставит перед собой, – рассмотрение существующих практик трансляции и сохранения культурной памяти на конкретных примерах в про-

странстве Великого Новгорода, их анализ и систематизация.

В современных гуманитарных исследованиях конца XX – начала XXI в. распространены теоретические концепции, связанные с изучением феномена памяти. Употребляются разные понятия: «культурная память», «социальная память», «историческая память», «коллективная память» и т. д. Выбор понятия зависит от угла зрения, под которым философ, историк, культуролог, социолог или кто-либо иной хочет посмотреть на данное явление.

Голландский философ Ф. Анкерсмит рассуждал об этом феномене и о тех изменениях в гуманитарных науках, которые произошли в связи с ним. По его мнению, это направление развития исторической науки в нашу эпоху допустимо исследовать под лозунгом овладения прошлым. Особенность этого явления проявляется в желании повсеместно использовать понятие «память», в том числе и там, где до этого употребляли такие термины, как «история» или «прошлое» [1, с. 23–24]. Подобная переориентация понятийного аппарата позволяет ученому увидеть сдвиг, произошедший в «природе современного исторического сознания».

Помещение памяти в культурный контекст предполагает больший сплав образов прошлого и настоящего в их неразрывном единстве, в их индивидуальном и коллективном осмыслении. К тому же следует заметить, что само понятие «культура» включает в себя и исторический аспект, и философский, и культурологический и т. д.

Понятие «культурная память» обладает большей широтой, например, по сравнению с «исторической памятью» и позволяет с разных ракурсов взглянуть на мемориальные практики в пространстве Великого Новгорода, их осмысление жителями города и т. д. Культурная память представляет собой важнейшую часть культуры, так как посредством памяти обеспечивается сохранение культурного наследия, его переосмысление, а также трансляция следующим поколениям.

Концепцию культурной памяти активно развивал в своих работах немецкий египтолог и культуролог Я. Ассман. Французский историк П. Нора рассуждал о памяти как о живом организме, который не может существовать в одном и том же виде и беспрерывно эволюционирует [2, с. 20], а толкает ее к этому развитию «диалектическое противоречие между запоминанием и амнезией» [3, с. 18]. Таким образом, память постоянно выступает в качестве актуального феномена.

С античности и до XIX в. память позиционировалась как явление индивидуального сознания, концентрирующееся в голове человека и сохраняющее в статичном виде следы информации, в XIX в. стало прорастать новое осознание феномена памяти. В то время появилось осознание, что это изменяющаяся система, которая может рассматриваться в том числе и «снаружи» субъекта [4, с. 31]. Понятно, что само наполнение памяти, ее строение, вычеркивание или возрождение определенных событий регулируются снаружи, социальной общностью и доминирующими в ней социальными и культурными устоями, а также политической обстановкой – тем, что она требует. Таким образом, появилась основа для того, чтобы заявлять о внешних параметрах рассматриваемой единицы. Базовыми в этой ситуации стали первые концепции, появившиеся в первые три десятилетия двадцатого столетия, которые позволяли по-новому взглянуть на явление памяти в социокультурном контексте. Данное направление освещается в трудах таких ученых, как А. Варбург, Л. С. Выготский, Э. Дюркгейм и М. Хальбвакс.

В наши дни социально-культурный подход к явлению памяти осуществляется путем попыток найти универсальную теорию, которая будет в состоянии держаться между полюсами эссенциализма (социальный детерминизм) и индивидуализма (социальный атомизм) [5]. Если рассматривать первое направление, можно сказать, что в нем отвергается возможность существования надындивидуального измерения памяти. Если же обратиться ко второму случаю, то при данном подходе происходит полное отвержение индивидуальной способности к воспоминанию и позиционирование ее как исключительно социальное явление.

Сегодня оптимальной и имеющей перспективу для развития в контексте всего вышесказанного, по мнению отечественных ученых, выступает коммуникативная концепция рассмотрения феномена коллективной памяти, при реализации которой применяются разработки коммуникативной теории. Она схожа с точкой зрения швейцарского ученого Ф. де Соссюра на взаимное влияние речи и языка. По его мнению, язык представляет собой коллек-

тивный феномен, который нельзя свести к множеству комбинаций употребления в речи людей, общающихся на нем. В то же время вычленить его допустимо лишь из частных случаев употребления, в ту или иную сторону уходящих от паттерна, т. е. образца, который дает возможность индивидам, принадлежащим к конкретной социальной группе, продуктивно общаться [6, p. 11]. Здесь допустимо истолкование осуществления деятельности по отношению к социуму коллективной памятью в качестве сложной и всесторонней работы по созданию и использованию «продуктов» культуры [4, с. 32].

Коллективная память появляется в качестве результата общественной коммуникации, учитывающего фрагменты образов прошлого (как пункты фиксации в качестве точки сборки), которые зафиксированы в «жизненных мирах индивидов».

Исследователь А. Г. Васильев в своих работах выделяет акторов, контактирующих друг с другом в этом поле:

- сохранные во времени нормы поведения и взаимоотношений в культуре. Они задают вектор отношения к прошлому в границах конкретной группы;

- работа демиургов коллективной памяти, управляющих традициями, конструирующих, сохраняющих, и использующих их для реализации своих социальных потребностей;

- деятельность членов социальной общности, которые также используют коллективную память. Они, исходя из своих потребностей и индивидуальных задач, «соглашаются», «отказываются» или «изменяют» культурный продукт [7, p. 179–180].

Таким образом, в исследованиях памяти играют важную роль семиотика, диалогический подход и культурно-историческая психология. В современных условиях наиболее актуальными становятся работы Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, А. Р. Лурии, Л. С. Выготского.

Можно трактовать память как работу, связанную с механизмами и способами, которые даются культурой конкретной социальной группы в определенный исторический период. Таким образом, мы сами формируем, создаем нашу память посредством различных механизмов. Важно упомянуть одного из видных представителей данного направления Дж. Вертча [8, p. 17]. Он сосредотачивает свое внимание на том, что верно употреблять понятие «remembering» (причастие), а не «memory» (существительное).

Конструирование системы терминов в представлениях о памяти произошло не сразу. Надындивидуальный уровень памяти назывался по-разному – культурная, коллективная и социальная. До сих пор ученые дискутируют по поводу их определения и соотношения между собой. «Коллективная» и «социальная» память часто употребляются в качестве синонимов. Думается, что культурную и социальную память возможно и даже нужно толковать как обогащающие друг друга понятия, которые характеризуют с разных сторон надындивидуальную память, а не позиционировать их как антагонизмы. Культурный (ценностно-символический) и социальный (структурно-институциональный) аспекты рассмотрения жизни сообществ человека прочно связаны друг с другом. Здесь исследователей вела логика становления научного знания, подобная той, которая в рамках антропологии помогла связать понятия «культурный» и «социальный».

Если обратиться к социальному аспекту памяти, то можно интерпретировать ее в качестве специфического набора осознанных взглядов, коррелирующих с прошлым и связанных с социальной реальностью, где свои личные воспоминания взаимодействуют с информацией, приобретенной извне в результате коммуникации. Таким образом, социальная память – это явление, при котором единичные воспоминания отдельных членов социальной группы создают целостное восприятие ушедших событий. Данный феномен конструирует вектор формирования для той или иной общности восприятия ее прошлого, а также изображает силуэт «данного момента» и благоприятствует предстоящему.

Также социальная память предоставляет шанс истолковывать ее в качестве «слепка» общественного опыта [4, с. 35], так как она определяет общность группы, наделяет значимостью ее прошлое, а также задает желательный вектор для конструирования будущего. Через социальную память передаются паттерны поведения в социуме и различные нормы. Воспоминания индивидов подвержены влиянию той социальной общности, членами которой они являются. Если обратить внимание на процесс воспоминания, то можно увидеть, что он социален. М. Хальбвакс ввел термин «социальные рамки» памяти.

Благодаря социальной памяти происходит консолидация членов социальных групп, поддерживаются необходимый уровень интеграции в социум и возможности социальной коммуникации на базе паттернов поведения в условиях «исполнения» определенных социальных ролей и соответствующих социальных ожиданий. Все это становится возможным за счет того, что коллективная память включает в себя взгляды на прошлое, которые можно охарактеризовать следующим образом: единые для конкретного социума, мыслятся или возникают в качестве объединяющих, сопутствуют специфическим процессам и часто трансформируются в их фундамент [4, с. 35]. Через эти взгляды закрепляются посредством конкретных лиц и происшествий важные для общности устои и поведенческие паттерны, благодаря которым выстраивается ее идентичность и подтверждается «законность» создавшегося в данной группе общественного устройства.

Если следовать этой логике рассуждений, то социальную память можно трактовать как сумму общественных воспоминаний, состоящую из взглядов на легендарных личностей и значимые исторические даты, всевозможными путями фиксирующихся в социальном сознании и исторических источниках.

Прежде чем обратиться к культурной памяти, следует кратко сказать, что такое культура.

Если смотреть на культуру сквозь призму культурологии, то мы увидим, что память – ее основа, ведь культура есть совокупность образа жизни общества, его устоев и традиций, консолидирующих всевозможные социальные общности [9].

В концепте культурной памяти закрепляется тезис о большой значимости предлагаемых образов коллективной памяти для группы, представляющих собой хранителей символов и понятий, отличающихся особой важностью, поэтому их фиксируют посредством особых форм культуры и специальных носителей, ко всему прочему они ритуализируются.

Вопрос понимания культурной памяти рассматривали такие выдающиеся ученые, как Морис Хальбвакс, Пьер Нора, Ян Ассман, Алейда Ассман и множество других исследователей.

По мнению современных исследователей, на данный момент наибольшей степенью проработанности обладает концепция культурной памяти немецкого исследователя Яна Ассмана [10].

Ученый опирался на теории М. Хальбвакса и Ю. М. Лотмана, в результате чего создал собственную концепцию, которая интерпретирует культурную память как обладающее индивидуальными особенностями в каждой культуре средство трансляции и актуализации значений культуры. Данный концепт выступает в роли единого знаменателя для любой области. Он подчиняет себе действия и эмоции в особых границах сосуществования в конкретной группе и обязывает к многократному повторению. Феномен содержит легитимирующие воспоминания, необходимые для поддержания установившегося социального уклада. Его наличие предусматривает существование особых хранителей, трансляторов, а также фундирующих опредмечиваний. Она создается преднамеренно, искусственно конструируется. Общество формирует специальные институции для ее построения, хранения и передачи. В данном случае не обойтись без специалистов. Профессионалы организуют и контролируют процесс передачи знания и приобщения к ней. Чтобы стать носителем, необходимо приложить усилия самому «ученику». Культурная память имеет определенную дистанцию по отношению к реальности, она носит сакральный характер. Возрождение культурных воспоминаний происходит в форме ритуалов.

В своих работах Я. Ассман выделяет четыре вида памяти [10, с. 18–20] – миметическую, предметную, коммуникативную, культурную – и определяет последнюю также в качестве непрерывного процесса, в котором любая культура, общество или социальная группа аккумулирует и стабилизирует свою идентичность с помощью воссоздания своего (значимого) прошлого. К слову, культурная память не только реконструирует, но и поддерживает его. Также сохранение и укрепление коллективной идентичности (в том числе и городской) требует постоянного взаимодействия с образами культурной памяти.

В рамках городского пространства могут быть задействованы следующие средства передачи культурной памяти: создание памятников, наименование и переименование улиц, установка мемориальных досок, а также изобретение новых ритуалов и традиций. На сегодняшний день в качестве одного из механизмов трансляции и

сохранения культурной памяти выступает и создание социокультурных проектов, которое косвенно может способствовать появлению новых традиций.

Примером таких практик в Великом Новгороде является проведение ежегодного фестиваля, в рамках которого в городе создаются муралы (настенная живопись), посвященные различным историческим деятелям или событиям, связанным с Новгородом (Александр Невский, Ярослав Мудрый, С. В. Рахманинов и т. д.). Данная практика может относиться как к разряду ритуалов и традиций, так и к разряду создания памятников.

Также интерес вызывает практика создания в Новгороде музыкальных театрализованных представлений (мюзиклов), посвященных различным историческим событиям и героям, связанным с Новгородом: например, в 2021 г. жителям и гостям города был представлен мюзикл «Александр Невский. Рождение воина», приуроченный к восьмисотлетию со дня рождения Святого благоверного князя.

Также вызывает интерес практика создания молодежных волонтерских сообществ, целью которых является памятование того или иного исторического периода, связанного с жизнью города. Примером такого сообщества является «Русская Молодая Ганза», целью которой является сохранение памяти среди молодежи Новгорода и других русских ганзейских городов об их «ганзейском периоде».

Продолжают быть востребованными и «классические» форматы передачи памяти, например музейные выставки (как и в случае с памятованием юбилейных дат со дня рождения Александра Невского и Петра I). Интерес вызывает то, какие способы на сегодняшний день являются наиболее эффективными (особенно в части влияния на формирование городской идентичности) и «долговечными» в условиях развития компьютерных технологий и, соответственно, появлением новых видов носителей информации.

Думается, что все индивидуально, так как у каждого способа есть свои плюсы и минусы. Например, с одной стороны, мюзикл привлекает своей красочностью, музыкальным оформлением и простотой подачи исторической информации. С другой – мюзикл может посетить ограниченное количество зрителей (ограниченное количество посадочных мест, а также ограничение по времени – увидеть спектакль можно только в конкретную дату и время). В то же время, чтобы посмотреть выставку, необязательно задействовать столько факторов (актеры, рабочие сцены и т. д.), для этого зрителю достаточно прийти в период действия выставки.

Таким образом, культурная память – это особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная, она выражается в мемориальных знаках разного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках и сохраняет значимое прошлое.

Рассмотрение в совокупности концептов «культурная» и «социальная» память являет собой перспективную стратегию для изучения феномена культурной памяти в контексте осуществления исследования способов конструирования городской идентичности в условиях глобализации.

В статье обозначена проблема качества существующих способов трансляции и сохранения памяти, проблема их «долговечности». Новые способы передачи и сохранения памяти, примеры использования которых в Великом Новгороде были приведены выше, актуальны в современном культурном и социальном контекстах. Примером подобной практики является социокультурное проектирование, способствующее приобщению населения, в том числе и молодежи, к памятованию исторических событий и людей, связанных с Великим Новгородом. Исследование проблемы создания и использования различных средств трансляции и сохранения культурной памяти в городском пространстве на примере Великого Новгорода на сегодняшний день имеет свои перспективы.

Список литературы

1. *Анкерсмит Ф. Р. Возвышенный исторический опыт.* Москва: Европа, 2007. 609 с.

2. Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. С. 17–50.

3. Горнова Г. В. Коллективная память и практики коммеморации в формировании городской идентичности // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 2 (15). С. 18–21.

4. Васильев А. Культурная память, забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI в.: коллектив. моногр. Москва: Совпадение, 2015. С. 29–57.

5. *Olick J. K. The politics of regret: on collective memory and historical responsibility.* New York; London: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. VIII, 229 p.

6. *Misztal B. A. Theories of social remembering*. Maidenhead, Phil.: Open Univ. Press, 2003. XI, 190 p.

7. Kansteiner W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies // History and theory. 2002. Vol. 41, N 2. P. 179–197.

8. *Wertsch J. V. Voices of remembering.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. V, 202 p.

9. Кочеляева Н. А., Разлогов К. Э. Современное понимание культуры: от теории к законодательной практике // Культурологический журнал. 2012. № 3 (9). URL: http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku3-2012/22942-sovremennoe-ponimanie-kultury-ot-teorii-k-zakonodatelnoy-praktike.html (дата обращения: 1.09.2022).

10. *Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Яз. слав. культуры. 363 с.: ил.

References

1. Ankersmit F. R. Sublime historical experience. Moscow: Europe, 2007. 609 (in Russ.).

2. Nora P. Problems of places of memory. Nora P., Ozouf M., de Puymezh J., Vinok M. France-memory. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State Univ. Press, 1999. 17–50 (in Russ.).

3. Gornova G. V. Collective memory and commemoration practices in the formation of urban identity. Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research. 2017. 2 (15), 18–21 (in Russ.).

4. Vasiliev A. Cultural memory, oblivion and national identity: theoretical foundations of analysis. Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the XXI century: collective monograph. Moscow: Sovpadenie, 2015. 29–57 (in Russ.).

5. Olick J. K. The politics of regret: on collective memory and historical responsibility. New York, London: Routledge Taylor & Francis Group, 2007. VIII, 229.

6. Misztal B. A. Theories of social remembering. Maidenhead, Phil.: Open Univ. Press, 2003. XI, 190.

7. Kansteiner W. Finding meaning in memory: a methodological critique of collective memory studies. History and Theory. 2002. 41 (2), 179–197.

8. Wertsch J. V. Voices of Remembering. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. V, 202.

9. Kochelyaeva N. A., Razlogov K. E. Modern understanding of culture: from theory to legislative practice. Culturological journal. 2012. 3 (9). URL: http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy -zhurnal/ku3-2012/22942-sovremennoe-ponimanie-kultury-ot-teorii-k-zakonodatelnoy-praktike.html (accessed: Sept. 1.2022) (in Russ.).

10. Assman Ya.; Sokolskaya M. M. (transl.). Cultural memory: writing, memory of the past and watered. Identity in the high cultures of antiquity. Moscow: Languages of Slavic culture. 363: ill. (in Russ.).